

Всю дорогу небо так и не прояснилось. То сеяла бесконечная унылая изморось, то с грохотом обрушивался яростный ливень, размывая тракт в вязкую, непролазную топь. Обоз с продовольствием для голодающих продвигался вперед мучительно медленно.

Пэй Чанъин, запертый в тесном экипаже вот уже несколько дней, совсем приуныл. Юноша выглядел увядшим, лишившимся былого задора; даже упрямый вихор на макушке, обычно гордо торчавший вверх, теперь сиротливо поник.

Вэй Шаньцюэ с самым невозмутимым видом разбирал официальные бумаги. Не поднимая головы от стола, он ровным голосом произнес:

— До уезда Шанли еще добрых две недели пути. Можешь сойти в ближайшем окружном городе, а на обратном пути, когда я со всем разберусь, я заберу тебя.

— И не подумаю! — упрямо буркнул Чанъин. — Раз уж вызвался ехать, отступить на полпути не стану!

В этот момент в карету проскользнул Лин Сяо, бережно держа в руках блюдо со свежими лакомствами.

— В эти пирожные добавлены целебные травы, прогоняющие сырость и укрепляющие дух, — с улыбкой пояснил он. — Молодому господину наверняка станет полегче, стоит лишь отведать кусочек.

В нежном сладком тесте не чувствовалось ни капли лекарственной горечи. Мягкое лакомство буквально таяло на языке, возвращая юноше хорошее расположение духа.

Он тут же придвинул блюдо поближе к Вэй Шаньцюэ и заискивающе заглянул ему в глаза:

— Учитель, попробуйте и вы.

Тот снизошел к его просьбе: выбрал самый крошечный кусочек и отправил в рот. Чанъин, проявив завидную услужливость, тут же протянул ему чистый платок для рук.

Лин Сяо бесшумно выскользнул наружу. У Главы есть молодой господин, у молодого господина — Глава, а сам он... С тех пор как его перевели из Лагеря Темной Конницы, он изнывал от безделья настолько, что на макушке, казалось, вот-вот вырастут грибы.

Уезд Шанли

Преодолевая размытые дороги под непрекращающимися потоками воды, отряд наконец добрался до уезда Шанли.

У городских стен ютились несчастные люди. Кое-как соорудив из грязного тряпья и рваных циновок убогие навесы, они безуспешно пытались укрыться от разбушевавшейся стихии, но те ничуть не спасали от проливного дождя.

Одетые в обноски, истощенные голодом беженцы при виде кавалькады породистых коней и богатых экипажей испуганно жались друг к другу, провожая процессию робкими, полными затравленной тоски взглядами.

Но стоило тяжелым воротам захлопнуться за последней повозкой, как едва затеплившийся в глазах бедняков огонек надежды окончательно угас.

Пэй Чанъин задернул занавеску. Губы его были плотно сжаты, а юное лицо напряглось от подступившего гнева.

Тяжелая теплая ладонь опустилась на его макушку, ласково взъерошив поникшие волосы.

— Не злись, — негромко произнес Вэй Шаньцзюэ. — Скоро мы все исправим.

Внутри городских стен царили тишина и благополучие. Уездный судья в окружении толпы подобострастно улыбающихся чиновников уже спешил навстречу Вэй Шаньцзюэ.

— Глава Вэй проделал столь долгий и изнурительный путь! Ничтожный слуга Вашего Высокопревосходительства уже повелел накрыть столы, дабы почтенный гость мог смыть дорожную пыль и подкрепить силы.

— Дождь лил без остановки, — тихо буркнул себе под нос Чанъин. — Вся грязь и без ваших пиров смыта дочиста.

Уездный судья, сделав вид, будто не расслышал колкости, ничуть не смутился. Он перевел елейный взгляд на юношу:

— А этот благородный юноша, вне сомнений, молодой господин Пэй! Истинный образец благородства и юношеской стати, просто отрада для глаз!

Чанъин лишь насупился и демонстративно проигнорировал льстеца.

— Сперва направимся в управу, — холодно пресек излияния Вэй Шаньцюэ. — Нужно обсудить распределение продовольствия и спасение голодающих.

— Глава Вэй являет собой пример величайшего милосердия и заботы о простом народе! — согнулся в три погибели чиновник. — Прошу, следуйте за мной.

Чанъин шел чуть позади Вэй Шаньцюэ, и в голове его роились тревожные думы.

"Неужели этот подлец не понимает, что его чиновничья шапка висит на волоске? Держится так уверенно, словно ему закон не писан... Неужели грозное имя Восточного цеха за пределами столицы уже растеряло свою пугающую силу?"

В зале управы судья завел заунывную песнь. Он с пеной у рта принялся расписывать, какие неисчислимы бедствия грозят городу, если впустить толпу оборванцев за крепостные стены. Чиновник картинно бил себя в грудь, сокрушаясь, что его собственное сердце обливается кровью при виде страданий несчастных, однако долг велит ему прежде всего оберегать покой и безопасность благонадежных горожан.

— Вот как? — Вэй Шаньцюэ, восседавший на почетном месте, внимательно изучал лица притихших чинуш. — Тогда почему до сих пор не организована раздача каши? Почему не возведены палатки для нуждающихся? Вы обрекли людей замерзать и голодать под проливным дождем у собственных ворот.

Судья ответил без малейшей запинки — видать, заранее отрепетировал оправдания:

— Высокочтимый Глава не знает всех обстоятельств! Эти бродяги — сущие дикари, лишённые всякого разума. Мои люди пытались раздавать пищу, но обезумевшая толпа устроила давку и разнесла котлы в щепки. А плотников, отправленных строить бараки, эти неблагодарные твари избили до полусмерти!

Чанъин едва сдержал презрительное фырканье.

"Сам не способен навести порядок в уезде, а вину сваливает на несчастных, доведенных до крайности людей!"

— Раз так, вам более не придется утруждать себя заботами о здешних краях, — холодно отрезал Вэй Шаньцюэ. — Согласно императорскому указу, Восточный цех берет на себя единоличное управление уездом Шанли. Помощник уездного судьи временно назначается ответственным за ведение текущих дел и будет оказывать нам содействие.

Когда Вэй Шаньцюэ неторопливо извлек из широкого рукава свиток с императорской печатью, маска самодовольства на лице судьи наконец дала трещину. Он заметно побледнел.

Покровители из столицы, уверявшие его в полной безопасности, упустили из виду самое важное.

<http://bllate.org/book/20384/2131841>